

УДК 81'373.2(470-924.71)

АСТИОНИМ *ЕВПАТОРИЯ* В РОМАНЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО «О, ЮНОСТЬ МОЯ!» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КРЫМСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

Петров А. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: liza_nada@mail.ru*

В статье на материале романа И. Л. Сельвинского «О, юность моя!» с позиции диахронии изучается язык и уклад жизни города Евпатории. Коренной крымчанин, автор воспроизводит жизнь многонационального полуострова в определенный исторический период – между февральской революцией 1917 года и окончанием Гражданской войны в Крыму в ноябре 1920 года. Читатель знакомится с историей заселения полуострова, этнографическими особенностями города, занятиями горожан. Исследовано ономастическое пространство Евпатории, специфика которого заключается в том, что его составляющие – топонимы, микропонимы, ойкодомонимы и эргонимы – наполнены лирической экспрессией автора и главного героя – Елисея Бредихина. Знание Крыма проявляется И. Сельвинским и в воспроизведении многоязычия полуострова, его речевой стихии, а также лексических и фразеологических регионализмов как локальных речевых феноменов своего времени. Герои произведения употребляют в речевом общении слова и фразы, по которым узнается евпаториец. К евпаторийским регионализмам отнесены формулы речевого этикета, используемые носителями языка, топоним *Чатырдаг*, употребляемый в диалогической речи в несобственном лексическом значении. Ведущим методом исследования являются контекстный и дискурсивный анализ. Панорама жизни города представлена при помощи цитатного текста, то есть дословной выдержки фрагментов разного объема – от предложения до более крупных отрезков произведения, – с последующим выборочным его лингвистическим и филологическим комментированием.

Ключевые слова: крымская филологическая регионалистика, роман И. Сельвинского «О, юность моя!», язык города Евпатории, регионализмы, этикетные речевые формулы, идиостиль писателя.

ВВЕДЕНИЕ

Язык города – один из недостаточно разработанных вопросов в лингвистике. Б. А. Ларин отмечал, что «предпочтительное внимание к литературным языкам задержало изучение языка города» [12, с. 177]. По мнению Е. А. Земской, «язык города является мощным лингвистическим объектом, дающим уникальные материалы для разных отраслей языкознания – социолингвистики, теоретического языкознания, теории коммуникации, прагмалингвистики, а кроме того, и для исследования проблемы “язык и культура”» [8, с. 242].

Отдельной проблемой является изучение языка города в диахронии на основе локального текста, то есть текста, содержащего местнографический материал, что, как подчеркивал Н. П. Анциферов, позволяет исследователю сместить акценты в сторону характеристики населения изучаемого города, краеведческой составляющей произведения [1]. С точки зрения Н. П. Анциферова, урбаническая литература дает возможность через писателя изучать город, а «через созданный образ открывается

особый путь к изучению творческой индивидуальности самого автора» [1, с. 20–21]. В этом ряду заслуживают особого внимания исследования Г. В. Судакова «Гиляровский как знаток русской речи (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени)» [25] и Н. С. Зарицкого «Неутомимый охотник за своеобразным оригинальным человеком (Киев в языке произведений Н. С. Лескова)» [6]. По замечанию М. Р. Шумариной, исследование Г. В. Судакова «иллюстрирует основные принципы изучения метаязыковой личности с позиций историзма» [29, с. 27–28]. Наблюдения В. А. Гиляровского над речью пестрой, многоликой Москвы конца XIX – начала XX века были учтены в лексикографических исследованиях В. С. Елистратова. Образ Киева в художественных произведениях Н. С. Лескова, отмечает Н. С. Зарицкий, является сложным комплексом различных характеристик, которые дает писатель этому важному на то время административному, торгово-промышленному и культурному центру [6, с. 42].

В изучении языка города важным является понятие регионализма [26]. В «Словаре лингвистических терминов», составленном Т. В. Жеребило, «регионализм» толкуется как «1. Местное слово или выражение, бытующее на определенной территории, употребляемое носителями региолекта» [24]. Лингвистический термин «регионализм» является омонимом экономического и политического термина «регионализм», который обозначает подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов того или иного региона.

Под регионализмами, согласно И. С. Зварыкиной, понимаем «лексико-фразеологические единицы, функционирующие на определенной территории, номинирующие значимые региональные реалии, используемые жителями региона преимущественно в устной коммуникации, но также встречающиеся в словарях региональной лексики, в художественной, публицистической литературе региона» [7, с. 34].

Актуальной становится филологическая регионалистика, которая имеет большой потенциал в области изучения языка писателя, творчество которого развивается в условиях определенного региона. Поэтому, как считает Л. Полякова, «задача филологической регионалистики... состоит в системном исследовании литературно-художественных явлений или языковых процессов, генезиса, эволюции региональной субкультуры с использованием филологического инструментария, через постижение особенностей творческой индивидуальности художника» [18, с. 195–196].

Филологическая регионалистика, таким образом, предполагает изучение местнографических реалий, национального менталитета, проблем этносов, живого разговорного языка, ономастики и микроономастики – названий локально ограниченных объектов.

Цель статьи – на основе романа И. Сельвинского «О, юность моя!» изучить город Евпаторию с позиции крымской филологической регионалистики.

Роман И. Л. Сельвинского «О, юность моя!» носит автобиографические черты [31], что отмечал и сам автор: «Многое из жизни этого периода описано в романе “О, юность моя!”» [22, с. 426]. В произведении отражены события, разворачивающиеся

на полуострове в период между февральской революцией 1917 года и Гражданской войной. И. Сельвинский посвятил произведение Крыму, который является не только местом действия романа, но и самостоятельным образом. Главный герой произведения – Леська (Елисей) Бредихин – юный гимназист-сирота из рыбацкой и рабочей семьи потомственных крымчан.

В заглавии романа заключена отсылка к мотиву возвращения в юность, дословно строчка звучит и в произведении «Пушторг»: «*О юность моя! Я заглох, зачах, Я рвусь, я тянусь к тебе неукротимо, Но ты затонула в татарских ночах, В маринах густых золотистого Крыма...*» [21, т. 2, с. 285].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Исторические названия города

У города несколько исторических названий: Керкинитиды, Гёзлёв, Евпатория. В VI–V веках до н. э. – Керкинитиды (Каркинитиды, др.-греч. Κερκινίτις). Существует несколько версий происхождения названия города. Некоторые из них связаны с греческим словом «каркинос» – ‘рак, краб’, поскольку на этом пространстве обильно водились крабы [11, с. 11]. Основа этого слова выделяется и в номинации Каркинитский залив («Но раз они [белые] взялись за Евпаторию, то уж наверняка метят на Каркинитский залив» [21, т. 6, с. 382]). Однако город омывает Евпаторийская бухта: «Когда “Синеус” бросил якорь в *Евпаторийской бухте*, было еще рано, но уже припекало» [21, т. 6, с. 288].

Древнегреческие колонисты дали название городу в честь боспорского царя Митридата Евпатора (132–63 гг. до н. э.), в греческом «евпатор» – ‘благородный’ [2, с. 425].

В XIV веке, в эпоху турецкого завоевания, город был переименован в Гёзлёв. Топоним состоит из двух компонентов – «гюз» («гёз») в значении ‘глаз’ и «лёв» – ‘хижина/дом’, то есть дословно ‘хижина с одним глазом’ или ‘с круглым окном’ [11, с. 42; 17].

Юный Сельвинский в произведении «Из дневника» (8-й класс 1918/19) графически отразил татарское название города в виде Гез-лөв: «...я *Гез-лөв* / Не променяю даже на столицы» [23, с. 150]. В сноске к топониму, приведенному в стихотворении, уточняется: «татарское название Евпатории».

После присоединения в 1783 году Крыма к России Гёзлёв был переосмыслен в Козлов, адаптированное название употреблялось наряду с официальным Евпатория еще в XIX веке. В романе «Арктика» действующее лицо Петух упоминает это устаревшее название города:

Петух

голоском наивным

Спросил: – Робя! Это город *Козлов*? – [21, т. 4, с. 196].

Жители близлежащих к городу селений, отмечается в романе, называют Евпаторию своей столицей, поскольку там есть магазины: «– А-а... Вот этого уж не знаю. У нас тут магазинов нет. Коли чего надо, мы завсегда в *Евпаторию* ездим. Там *наша столица*» [21, т. 6, с. 181].

В тексте произведения в диалоге Елисея и Гульнары раскрывается этимология названия города Евпатории, неразрывно связанного с Чатырдагом:

– Ну, конечно, Евпатория – чудесная. Почему до сих пор ни один поэт ничего про неё не написал?

– Один написал.

– Кто же?

– Мицкевич. Ты знаешь, что Мицкевич был в Евпатории?

– Ну?

– Да. У него есть сонет: «Вид на Чатырдаг из Козлова». А *Козлов* – это старинное название Евпатории, переделанное из татарского «Гёзлёв».

– «Окошко-глаз»? – недоумённо спросила татарка.

– Да. «Окошко, подобное глазу», – очевидно, в те времена в Евпатории строили именно такие домишки [21, т. 6, с. 176].

Елисей на свой лад воспроизвел название одного из «Крымских сонетов» А. Мицкевича, включив в него топоним Чатырдаг и опустив расширительный признак, подчеркивающий степной характер города. Поэт назвал сонет «Вид гор со степей Козловских» [15, с. 8]. Герой Сельвинского развернул дословное название города «окошко-глаз», представленное скрытым сравнением, в синонимичное «окошко, подобное глазу», что свидетельствует и о лингвистическом кругозоре молодого человека.

В 1918 году, после убийства председателя Евпаторийского военно-революционного комитета Давида Караева, «по распоряжению Ревкома Евпатория переименована в *город Караев*» [21, т. 6, с. 85]. Однако это предложение не было поддержано в Петрограде.

Один из героев романа, Володя Шокарев, используя анатомический термин, образно назвал город *слепой кишкой*: «– В Евпатории так жутко! Это же *город на отлете, слепая кишка*» [21, т. 6, с. 440].

Название города используется в переносном, метонимическом значении – житель(и) города: «*Евпатория* – это ведь не просто город. Это Андрон, Гульнара, дедушка» [21, т. 6, с. 152]; «...подлинный страж порядка – сама *Евпатория*» [21, т. 6, с. 224]; – Документы! Из тюрьмы вышел? *Евпатория*? За что сидел? [21, т. 6, с. 269]; – Не позорь *Евпаторию* [21, т. 6, с. 132]; – Мы – *Евпатория* [21, т. 6, с. 142].

Амбивалентность восприятия номинации города ярко проявляется в размышлениях главного героя: «*Евпатория* – это ведь не просто город. Это Андрон, Гульнара, дедушка. Что-то такое, что *родней родного...*» [21, т. 6, с. 152]. Более того, для Елисея Евпатория ассоциируется с близким другом: «И все же *Евпатория* тянула его с какой-то магнитной силой. А может быть, действительно притягивал сам *город, как живой организм? Как близкий друг...*» [21, т. 6, с. 416].

Иное отношение к городу проявляется у денкинцев: «После двух знаменитых дней безвластия евпаторийцы страстно возненавидели денкинцев. Но и *офицеры глубоко презирали Евпаторию*:

– Этот город не дал миру ни одного генерала!» [21, т. 6, с. 226].

Революция пришла в город, о чем возвестили залпы с крейсера «Румыния». Автор обращает внимание на ассоциативную связь с «Авророй», хотя события,

казалось, были несоразмерными по масштабу: «Залпы “Румынии” были для Евпатории голосом “Авроры”, но крейсер не казался меньше от того, что брал не Санкт-Петербург, а маленький приморский городок: революция – везде революция, подвиг – всюду подвиг» [21, т. 6, с. 84].

Роман является энциклопедией жизни крымского города начала 20 века. В нем читатель узнаёт о населении города, быте и нравах евпаторийцев, общественном устройстве, достопримечательностях города, природе.

● Население города:

«В Евпатории двадцать тысяч жителей» [21, т. 6, с. 55]; «Евпатория... наполнена караимами, татарами и греками» [21, т. 6, с. 57]; «Евпатория почти не располагала промышленным пролетариатом» [21, т. 6, с. 52]; «Жителям этого политического захолустья “Интернационал” был еще неизвестен» [21, т. 6, с. 71]; «...типичная евпаторийская толпа: жестянщики, чувячники, комиссионеры, чебуречники, цирюльники, приказчики, рыбаки» [21, т. 6, с. 493].

В речи Андрона, брата Елисея, прозвучала крымская пословица, в состав которой включена просторечная форма повелительного наклонения *езжай* (нормативной является форма *поезжай*): «Знаешь крымскую пословицу: “Хочешь жениться – езжай в Евпаторию”... – [девушки] на все вкусы: русские, хохлушки, гречанки, караимки, – и одна лучше другой» [21, т. 6, с. 220], «Леська снова убедился в прелести евпаториек: из пяти – четыре красавицы» [21, т. 6, с. 221].

● Быт и нравы евпаторийцев:

«Евпатория – город южный, и жизнь там протекает на улицах» [21, т. 6, с. 397]; «...черноморская рыба являла собой венец кулинарного искусства Евпатории» [21, т. 6, с. 424]; «...на жаровне шипели тронутые золотом *шашлыки*» [21, т. 6, с. 33]; «*Мидии, креветки...* Знаменитый бабушкин плов...» [21, т. 6, с. 183]; «Перед ними на столе расстилается богатый натюрморт татарской кухни: *брынза*, белая, как морская пена; слоистый пресный желтый *сыр-качкавал*; кефалевая *икра*, длинная и плотная, и баранья колбаса – *суджук*, дымящаяся ягнячья *головка...*» [21, т. 6, с. 13]; «*патирасы* фабрики Стомболи» [21, т. 6, с. 201]; «альчики» «...те самые бараньи бабки, в которые играют и сейчас все крымские ребята» [21, т. 6, с. 346]. В Словаре В. Даля отмечается, что «альчик» – это ‘м. арх. игорная говяжья надкопытная кость, козна, козан, бабка, костыга, шляк, лодыга, баска; лат. Talus’ [4, т. 1, с. 13]. «Ведь среди мусульман *многоженство* можно встретить даже у нас, в Евпатории...» [21, т. 6, с. 229].

● Базар в городе:

«...его [азиатского базара] *дыни* с таким нежным ароматом, что спорить с ним могли только лилии; его *помидоры...* в красных и оранжевых сарафанах “*груши дюшес*, истекающие медовым соком”» [21, т. 6, с. 8], «“*дюшес*” – так называлась знаменитая крымская груша» [21, т. 6, с. 406–407].

- Общественное устройство Крыма:

Общественно-экономическую жизнь полуострова контролировало Крымское правительство – временное правительство времен Гражданской войны. В этот период пост председателя директории Крыма занимал один из лидеров крымскотатарского народа Джефер Сейдамет, ему подчинялся крымский парламент курултай: «...в Евпатории, никто ни черта не чует. *Курултай завели, крымское правительство*, и считают, понимаешь, что тут у нас пуп земли» [21, т. 6, с. 30] – емкая фраза, которая действительно отражает политику Крыма времен Гражданской войны, объявившего в 1917 году независимость.

Отношение к крымскому правительству было неоднозначное: «– Черт знает это *крымское правительство!* Крым сегодня пороховой погреб, который может окончательно взорвать Россию... А эти со своим лозунгом “*Крым для крымцев*”... Мелкота!» [21, т. 6, с. 62]. «Наш новый лозунг: “*Крым для крымцев!*” – вещал Шокарев своим пещерным басом. – У нас будет своя республика» [21, т. 6, с. 138].

- Достопримечательности города:

Одной из достопримечательностей города является мечеть Джума-Джами [21, т. 6, с. 416], с крымскотатарского «*Сума Самі*» означает ‘Мечеть Татар-хана’: «...*Джума-Джами* не имеет ни одного минарета. Чего смотрят наши татары?» [21, т. 6, с. 259].

Отель «Дюльбер» – в переводе с крымскотатарского ‘прелестный’, ‘пригожий’, ‘красивый’ [3, с. 226].

- Печать города:

В городе выходила газета «Евпаторийские новости»: «Дед сидел за столом и при свете розового ночника одним глазом читал *Евпаторийские новости*» [21, т. 6, с. 42]. В Симферополе издавалась вечерка «Крымская почта»: «– О, это замечательный человек, – засмеялся Беспрозванный. – Сейчас он редактор вечерки “Крымская почта”» [21, т. 6, с. 298].

- Денежные знаки:

В Евпатории ходили «*николаевские*» многоцветные, выполненные великолепными красками на шелковистой бумаге; *керенские* двадцатки и сороковки, смахивающие на пивные этикетки; *донские* – с изображением черно-желтой георгиевской ленты и медных колоколов; даже *махновские*, на которых была отпечатана летящая во весь опор тачанка с надписью: “Хрен догонишь!”» [21, т. 6, с. 223–224].

- Природа Евпатории:

«А город был чувственным: *много солнца, много моря, много дюн*» [21, т. 6, с. 8]. «*Осень* в Евпатории наступает рано» [21, т. 6, с. 421]; «*Осень* в Евпатории плохая. Здесь нет ни берез, ни кленов, поэтому нет ни золота, ни багреца...» [21, т. 6, с. 208]; «А *уксусные деревья*, характерные для Евпатории, кажется, сразу же чернеют» [21, т. 6, с. 208]; «В Евпатории *вода известковая*. От ней животы болят» [21, т. 6, с. 245];

«... в Евпатории *грибы* не водились» [21, т. 6, с. 20]; «У Евпатории два лица: *весенне-летнее и осенне-зимнее*. Летом курорт наводняли приезжие из Петербурга, Москвы, Киева, даже из Севастополя и Ялты, потому что нигде в Крыму нет такого свободного выхода к морю и такого *золотого пляжа*... Зимой это был город гимназистов и рыбаков» [21, т. 6, с. 8].

● Город и море:

«В Евпатории *море* гуще» [21, т. 6, с. 259], «*Море* – самое основное, ежеминутное, непреходящее *событие города*» [21, т. 6, с. 9–10]. «Необыкновенной делало ее [Евпаторийскую гимназию] только одно: *море*. Оно поднималось до середины окон, и комната казалась увешанной импрессионистическими панно, исполненными в два цвета: снизу огневая синева, сверху нежная, нежная лазурь. Иногда на одном из панно белел парус. Иногда на другом летали птицы. В хорошую погоду яркие живые краски этой картинной галереи придавали наукам какой-то праздничный тон» [21, т. 6, с. 48].

В заметках «Черты моей жизни» И. Сельвинский признался в том, что определяющее влияние на его творчество оказала природы Крыма: «Но очень скоро объективный мир стал интересовать меня гораздо больше, чем “бури моего духа”. Прежде всего, я увидел море. Слепящая синева его стала для меня чем-то вроде языческого божества. Это ощущение прошло сквозь всю мою жизнь» [20, с. 6]. По замечанию О. Резника, «море стало не темой, а как бы стороной души [поэта]» [19, с. 17].

Очень точно определяет место «моря» в жизни поэта стихотворение «Глухомань», написанное в 1964 году: «Куда ни пойду – глубоко дышу: / *Всюду со мной / Море*» [21, т. 1, с. 523].

Поэтическое восприятие моря, морской стихии автор вложил и в душу главного героя романа – Елисея Бредихина. Так, в одной из кульминационных сцен произведения – выхода из каменоломен, заблокированных белогвардейцами, – герой в состоянии эмоционального подъема восклицает: «– Талáсса! Талáсса! – закричал он почему-то по-гречески» [21, т. 6, с. 242]. Далее в авторском повествовании раскрывается лирическое отношение героя к «синему божеству»: «Леська любил *море* так же самозабвенно, как и дедушка, с той лишь разницей, что дед видел в нем живое чудовище, а для Леськи оно было тем, что оно было: стихией, но со своими особыми повадками. Больше всего Елисей любил морские запахи» [21, т. 6, с. 242].

● Море и Чатырдаг:

«Но Чатыр-Даг на месте, и *море* осталось тем же, *евпаторийское родное море*...» [21, т. 6, с. 345]; «...*за морем* туманный шатер *Чатырдага*» [21, т. 6, с. 416]; «голубое видение *Чатырдага* там, за этим *синим морем*» [21, т. 6, с. 373].

Годонимы города

Среди имён собственных, у которых номинативная функция и функция обозначения оказываются доминирующими, можно выделить названия улиц:

Морская улица, то есть расположенная рядом с морем: «...на *Морской улице* блеснуло море в закате» [21, т. 6, с. 34],

Лазаревская улица – названа в честь выдающегося флотоводца Михаила Петровича Лазарева (1788–1851): «Греческая кофейня находилась как раз против пристани – только пересечь мостовую *Лазаревской улицы*» [21, т. 6, с. 230]; «Когда дошли до *Лазаревской*, пришлось задержаться» [21, т. 6, с. 491].

В группе годонимов выделим следующий контекст: «Еще через час по *1-й Продольной*, *2-й Продольной*, *3-й Продольной* и прочим лишённым фантазии *Продольным* разносились бодрые голоса...» [21, т. 6, с. 7].

Используя выражение «и прочим лишённым фантазии *Продольным*», автор сетует на то, что названия улиц в Евпатории неинтересны и схематичны.

Названия некоторых улиц, районов и слободок города связаны с национальной принадлежностью его жителей. Таковыми являются *татарский район* и *Цыганская слободка*: «И почему они пошли в *татарский район*? Таинственные вещи происходят в нашей Евпатории...» [21, т. 6, с. 34]; «Какой-то цыганенок подхватил черный с никелем [чемодан] и спокойно унес его к себе на *Цыганскую слободку*» [21, т. 6, с. 402].

В тексте упоминается *Греческая улица*: «На *Греческой улице* за воротами одного из домиков высилась шхуна без парусов» [21, т. 6, с. 64]. Когда речь заходила о греках, их местожительство всегда именовалось как улица, из этого можно сделать вывод, что греков в Евпатории было меньше, чем татар и цыган.

Сочетание «греческие старухи», неоднократно появляющееся на страницах романа, осмысливается как ‘старухи, живущие на Греческой улице’: «Услышав канонаду, евпаторийцы, вместо того чтобы прятаться в подвалах и погребях, снова кинулись к берегу. Ковыляли даже знаменитые *греческие старухи*» [21, т. 6, с. 83]. «Среди них [людей евпаторийской толпы] – древние старухи с *Греческой улицы*» [21, т. 6, с. 493].

Неоднократно в романе называется *район Пересыти*: «Домик Катиной мамы находился на *Пересыти*, неподалеку от привозной площади» [21, т. 6, с. 201]; – Кто этот гражданин? Босяк с *Пересыти*? [21, т. 6, с. 66].

Упоминается в романе и площадь Катлык-базара, от многозначного «катлык» – 1) бурьян, солома (используется как топливо); 2) остатки жеваного сена в кормушках скота [16]: «Широкая *площадь Катлык-базара* была конским рынком. Это древнее торжище обслуживали лавчонки шорников, магазины скобяных товаров, амбары с овсом, а также караван-сарай, кофейни и чайханы» [21, т. 6, с. 33]. В XVI–XVIII вв. за городской стеной Гёзлёва был большой рынок невольников (*Катлык-Базар*): <https://evpatori.ru/pamyatnye-daty-evpatorii.html>.

Однако, по образному выражению писателя, «главной площадью Евпатории» является море, «как Плас-де-ля-Конкорд в Париже или Графальгарская площадь в Лондоне», а также Чатырдаг: «Огромная, как бы асфальтированная голубо-сизосиним блеском, начиналась она небольшим сравнительно собором, но завершалась на горизонте колоссальным зданием *Чатырдага*, который вписывался в Евпаторию, как небоскреб “Эмпайр”» в Нью-Йорк» [21, т. 6, с. 9–10]. Чатырдаг сопоставляется с

небоскребом Эмпайр, офисным зданием, расположенным в Нью-Йорке на острове Манхэттен, имеющим 103 этажа: <https://ru.wikipedia.org>.

Эргонимы Евпатории

При изучении города как текстового иллюстратора ведущими являются эргонимы [10; 31], поскольку они включают в наименование того или иного объекта ряд других онимов. Систематизация эргонимов служит локальным срезом филологического краеведения:

- кафе Заруднева. Наименование заведения по фамилии его владельца. В юношеском стихотворении «О замке» (в Содержании «В замке») в строке «ждать / У Зарудневых или в сквере» поэт в сноске отмечает, что это кондитерская в Евпатории [23, с. 104]. «Недалеко от кафе-поплавка, как раз против “Дюльбера”, покачивались на якорьках парусные лодки» [21, т. 6, с. 391];

- кофейня «Каведэ»; в переводе с крымскотатарского «къаведе» обозначает – ‘в кофейне’ [3];

- палатка под вывеской «И. С. Шокарев»: «На излучине Катлык-базара, где-то недалеко от элеватора, под вывеской “И. С. Шокарев” ютилась палатка, перед которой на жаровне шипели тронутые золотом шашлыки» [21, т. 6, с. 33];

- гостиница «Одесса»: «Дорога пошла сквозь полуразрушенные крепостные ворота по улице жестянщиков и свернула к захолустной гостинице “Одесса” с номерами по полтиннику и по рублю» [21, т. 6, с. 35];

- дача «Вилла роз»: «В Евпатории тем временем начались аресты. Контрразведчики, сопровождаемые эскадронцами, врываются в квартиры, указанные в списках, и уводили арестованных на дачу “Вилла роз”, штаб-квартиру Выграна» [21, т. 6, с. 80];

- синематограф «Лицо жизни»: «Леська миновал собор, синематограф “Лицо жизни”, мечеть Джума-Джами, кафе Заруднева... Вот остались позади театр, санаторий Лосева, отель “Дюльбер”» [21, т. 6, с. 183];

- иллюзион «Экран жизни»: «Огромные афиши призывали евпаторийцев посетить эстрадный вечер в иллюзионе “Экран жизни”» [21, т. 6, с. 421].

Апеллятивы «лицо» и «экран», употребляясь в метафорической конструкции, приобретают функцию имени собственного, отражая действительность в художественном мире;

- еврейское спортивное общество «Маккаби» [21, т. 6, с. 197] – данный оним используется для традиционного наименования спортивных клубов в Израиле.

- «Общество спасания на водах» [21, т. 6, с. 49]. Эргоним раскрывает географические особенности города. Упоминается в романе и «Российское общество пароходства и торговли». Эта российская судоходная компания была основана в 1856 году для обеспечения торгового судоходства в Причерноморье: «Леська добрался до пляжа у пристани *Российского общества пароходства и торговли*» [21, т. 6, с. 491].

В романе отражена аббревиатура, созданная в годы Гражданской войны, – *Осваг* (Осведомительное агентство) как главное пропагандистское подразделение белой Добровольческой армии. *Осваг* должен был стать идеологическим рупором Белого движения и составить конкуренцию пропаганде красных, в том числе «Окнам

РОСТА»: «В *Осваге*, наверно, все известно. А неизвестно сейчас – будет известно завтра» [21, т. 6, с. 384]; «– В *Осваге* все знают. Кстати: Деникин взял Тулу, а Мамонтов кавалерийским рейдом прорвался к Тамбову [21, т. 6, с. 321]; «– Ты прав, *Осваг* – это действительно огненный обруч. Малейшая неосторожность – и можешь заработать виселицу» [21, т. 6, с. 388];

- партизанский отряд «Красная каска» [21, т. 6, с. 489];

- гостиница с французским названием «Бориваж» [21, т. 6, с. 289]. «Караим И.Я. Нейман начал в 1908 году в Евпатории строительство гостиницы «Бо-Риваж» (по-французски «Beau rivage» – ‘Прекрасный берег’): <https://evpatori.ru/beau-rivage-prekrasnyj-bereg.html>;

- отель «Дюльбер» занимает особое место в повествовании, он будто бы живет совсем другой жизнью, выделяется из общего городского фона своей эстетикой. Оним «Дюльбер» является символом роскошной жизни: «На такие кабинки богачи не польстятся: они живут в “Дюльбере”» [21, т. 6, с. 15]. Его еще называют по имени владельца: ««Все знаменитости, приезжавшие в Евпаторию, останавливались, конечно, в *дувановском отеле* и неизменно навещали хозяев» [21, т. 6, с. 196]. Набережная, прилегающая к отелю, называется *дюльберовской*: «...свернул на *дюльберовскую* набережную» [21, т. 6, с. 493].

«Отель “Дюльбер” – самое роскошное здание Евпатории. Построенный в швейцарском стиле, он напоминал о горах и этим как бы перекликался с Чатыр-Дагом, который высился против него через все море и сизым очертанием красовался в окне. Владельцем “Дюльбера” был актер Художественного театра Дуван-Торцов» [21, т. 6, с. 195]. Контекст вмещает в себя все символы города, на которых строится текст, здесь выстраивается система взаимосвязи между героями романа и онимами (эргоним + ороним), которые в произведении наделяются особым настроением.

«Последними ушли старые гречанки, и Елисей остался наедине с “Дюльбером”» [21, т. 6, с. 494]. Сочетание «наедине с “Дюльбером”» свидетельствует о персонификации отеля, восприятию его как друга, поскольку лексема «наедине» обозначает ‘один на один, без свидетелей’ [27, ст. 349]. Герой остался с «Дюльбером» и со своими размышлениями о России.

Автор вводит в текст номинации тех или иных локусов, содержащих антропонимы, которые маркируют их владельцев. Антропонимы употребляются в ед. и мн. числе: вилла Булатова [21, т. 6, с. 45, 183], «поравнялся с виллой Булатовых» [21, т. 6, с. 74], санаторий Лосева [21, т. 6, с. 183], аптека Якобсона [с. 416], «вдоль берега до дачи Терентьева» [21, т. 6, с. 76]. Эта модель может иметь метонимические заменители: от «Дюльбера» до «Терентьева» [21, т. 6, с. 76], «только до Терентьева» [21, т. 6, с. 77].

Речь горожан

Герои романа определяли местных и не местных жителей по выговору «...оттуда [из комнаты] *несся высокий, слегка грассирующий, чуть-чуть барский баритон* – так в Евпатории не говорил никто» [21, т. 6, с. 68], и это чувство землячества впоследствии не однажды выручило Елисея в трудную минуту. И. Сельвинский передает говорок жителя пересыпи капитана маккабийцев: «– Так ты

правду говоришь, старик, шо ты пришел не до Кати Галкиной?» [21, т. 6, с. 203]. В вопросительной фразе наблюдается ненормативное ударение (*говоришь*), просторечная форма *шо* местоимения *что*, нарушение предложного управления (*до Кати*).

В лексиконе евпаторийцев были характерные словечки. Например, часто звучало заимствованное из итальянского слово «авелла», восходящее к топониму *Abella* = *Avella*, Ἀβέλλα. Халкидская колония в Кампании, неподалеку от Нолы, славившаяся своими яблоками, за что Вергилий назвал ее *malifera*, т. е. приносящая яблоки [9]. Слово употреблялось в нескольких значениях: как приветствие, как утверждение, как обращение к собеседнику, как пароль. Ср.:

а) в значении приветствия ● – Вот он. *Авелла!* – Кто это? – Груббе и Немич» [21, т. 6, с. 151]; ● с ответной речевой формулой «здравствуй»: «– Леська, *авелла!* – Здравствуй, Листиков!» [21, т. 6, с. 98]; – *Авелла!* – Здравствуй, Артур! [21, т. 6, с. 22] или ● с ответной речевой формулой «авелла»: – *Авелла*, Хамбика! – *Авелла*»;

б) в значении утверждения: «– Уговорим. Правда, Сима? – *Авелла!* – И чтоб я этого «авелла» больше не слышал! – загремел инспектор. – Что за жаргон? [21, т. 6, с. 9];

в) обращение к собеседнику:

– *Авелла!* Как настроение?

– Превосходное [21, т. 6, с. 137].

[Тина Капитонова – Леське]: «– *Авелла!* *Наи*, *евпаторийский?* – Да» [21, т. 6, с. 107].

«– Леська, Леська! *Авелла!* – кричали гимназисты, точно он здесь самый главный» [21, т. 6, с. 83].

В ткань произведения автор включает метаязыковой комментарий персонажа, связанный со словом «авелла»: «Леська молчал. Гринбаху, конечно, невдомек, что у Леськи свои отношения с чудом. И ещё было радостно, что Самсон *кликнул его словом “Авелла!”*, которое в ходу только в *Евпатории*. От этого пахло далекой милой дружбой в чудесном городе, где он жил так счастливо в своей хате рядом с виллой Гульнары...» [21, т. 6, с. 137].

Слово использовалось и как пароль: «Послышалось размеренное чоканье копыт. Из дымки рассвета вышли на железнодорожные пути два всадника, ведущие на верёвках группу штатских людей.

– *Авелла!*

– *Авелла*. (Это и был пароль.) [21, т. 6, с. 153].

– Ты куда, парень? – окликнул его чей-то голос.

– *Авелла!* – сказал Елисей в пространство [21, т. 6, с. 218].

Доктор Ульянов – Леське: – Оружие повезете в каменоломню. Пароль: “*Авелла!*” Запомните? – Еще бы!» [21, т. 6, с. 218]

[Оборвыш – Леське]: – *Авелла*, сказал он [оборвыш] тихо. – Паспорт есть? [21, т. 6, с. 409].

[Долговязый юноша – Леське]: – В чем дело? что вам нужно? – *Авелла*, – сказал юноша. – Паспорт есть? [21, т. 6, с. 412].

При расставании герои романа употребляли устойчивое сочетание «мир праху», но без именного распространителя. Ср.: – *Мир праху*, старина, – сказал Гринбах. – Пойдем, Вольдемар? [21, т. 6, с. 17].

– Спасибо, что зашли.

– *Мир праху*.

– И вам того же [21, т. 6, с. 243]. Обратим внимание на то, что устойчивое сочетание, передающее расставание собеседников, не употреблялось, как следует из текста романа, в ответной фразе.

[Груббе – Леське]: «– Ну, бывай! *Мир праху!*» [21, т. 6, с. 75].

[Шулькин – Леське]: «– Когда понадобится, я к тебе забегу. Ну, *мир праху!* Это был *коренной евпаториец*» [21, т. 6, с. 392]. Таким образом, «коренных евпаторийцев» определяло употребление в речи этикетных формул приветствия и прощания.

В Словаре М. И. Михельсона отмечается, что устойчивое выражение «Мир праху твоему!» является обычным обращением к покойнику [14, т. 1, с. 557]. Согласно «Фразеологическому словарю» А. И. Фёдорова, устойчивое выражение относится к высокому стилю: «**Мир праху** кого, чьему. *Высок*. Пожелание умершему: пусть мирно покоится» [28, т. 1, с. 379]. Опущение именного распространителя и стилистическое перекодирование устойчивого выражения приводят к перестройке его лексического значения и к актуализации этикетной речевой формулы, используемой при расставании собеседников.

В романе воспроизводится анекдот «поди докажи/доказывай, что ты не верблюд», передающий невозможность доказать очевидное отсутствие своей вины в чем-либо. Анекдот был особенно характерен для 20–30-х годов, воспринимался как точная метафора страха перед репрессиями, которые могут наступить в любой момент:

– Но ведь в Евпатории был красный террор.

– А ты при чем тут?

– При чем... Знаешь, какой сейчас ходит анекдот? Бежит сломя голову заяц. Кричит: «Караул! Спасайтесь! Верблюдов хватают!» – «А тебе-то что?» – спрашивает его какой-то Бредихин. «Да ведь если меня схватят, *поди докажи, что ты не верблюд*» [21, т. 6, с. 100].

Евпаторийским ругательным было слово «пеламида»:

«...Письма вскрываются. – Надо послать к морякам человека, – предложил товарищ Андрей. ...Как я могу? – Эх, *пеламида!* Захочешь, так и сможешь. Ты парень фартовый.

– *Пеламида!* Как я могу усидеть, когда тут такое делается? [21, т. 6, с. 132].

Дед поглядел ему вслед и презрительно промолчал.

– *Пеламида!*

Пеламида – *исключительно евпаторийское ругательство*, и его надо объяснить» [21, т. 6, с. 19]. Однажды к евпаторийскому берегу пригнало огромный косяк неизвестной рыбы. Хозяйки мигом скупили весь улов. Однако готовить эту рыбу никто не умел, и весь косяк евпаторийцы выбросили в мусорные ямы. Вскоре

горожане узнали, что рыба называется «пеламида». Такова история появления этого ругательства.

В речи гимназистов наблюдается вкрапление жаргонизмов «симбурдал», «симбурдалический» (*симбурдалический тип*):

– Эй ты, *симбурдал!* Какого дьявола ты вылез отвечать, если ни черта не знаешь? – напустился на Канаки Листиков [21, т. 6, с. 51]; – *Симбурдалический тип!* – заключил Гринбах [21, т. 6, с. 17]; – Вот *симбурдалический!* – засмеялась она [Варвара]. – Это же «товарищ Андрей», Дмитрий Ильич Ульянов, родной брат Ленина [21, т. 6, с. 85].

«Симбурдалический тип» приравнивается в речи гимназистов к «чеховскому типу», что следует из следующего контекста: – Абсолютно *чеховский тип!* – воскликнул Леська, едва удержавшись, чтобы не сказать «*симбурдалический*» [21, т. 6, с. 82]

На страницах романа в разных значениях употребляется лексема «Чатырдаг». Илья Сельвинский использует также метафору «шатёр», тем самым оживляя этимологическое значение топонима: с крымскотатарского *Çatır Dağ* переводится как «Шатёр-гора» (*çatır* – шатёр, палатка, *dağ* – гора): «Вон за морем туманный шатёр Чатырдага...» [21, т. 6, с. 416].

И. Сельвинский сравнивает Чатырдаг с голубоватым айсбергом, с очертанием миноносца, с отелем «Дюльбер», со сверхдредноутом («дреднот» и «дредноут» ‘броненосец большого размера’ [27, т. 1, ст. 799]), а Мицкевич уподобляет Чатырдаг звезде: «Утром третьего дня евпаторийцы увидели на рейде три миноносца... Острый легкий очерк их корпусов слегка перекинулся с далёкими очертаниями Чатырдага, который по сравнению с ними казался сверхдредноутом» [21, т. 6, с. 224]; «Но вскоре песня была выучена, и юноша уставился на далекий Чатырдаг, возникший над горизонтом, точно голубоватый айсберг. Леська вспомнил стихи Мицкевича, который глядел на эту гору, может быть, с того самого места, где стоял Леська:

И там, где над моей чалмою

Одна сверкала мне звезда, То Чатырдаг был» [21, т. 6, с. 19–20].

В прошлом в разговорной речи коренных жителей Крыма звучали поговорки, связанные с упоминанием «шатёр-горы», такие, как: «Спроси у Чатырдага», «Расскажи Чатырдагу», «Чатырдаг тебе поверит», «Когда Чатырдаг перевернется»... Сегодня этот фрагмент образной речи практически исчез из лексикона крымчан: <http://karai.crimea.ru>.

Один из таких фигуральных оборотов зафиксировал в романе И. Сельвинский, обратив внимание на частотное его употребление в диалогах евпаторийцев в несобственном лексическом значении. В диалогической речи, отражающей житейские ситуации, персонаж, используя вопросительное предложение «Кто это будет делать?», сам отвечает на него риторическим вопросом Чатырдаг? или гора Чатырдаг?:

а) [Леська]: – В канцелярии я работать не буду.

– А кто будет? *Гора Чатырдаг?* – нервно отозвался Гринбах, не заметив, что привел евпаторийскую поговорку, *от которой у Леськи дрогнуло сердце* [21, т. 6, с. 115];

б) – А зачем же ты ушла? – строго спросил Леська. – Тебя ведь приставили к ней!

– Приставили, а сами где? Ихние папа, мама и Розия драпанули от красных в Константинополь на броненосце. А Гульнару оставили. Не успели захватить. А кто мне жалованье платить будет? *Чатырдаг?* Умер-бей отказался. Вот я и ушла» [21, т. 6, с. 161];

в) [Леська]: – Почему большевики, уходя из Евпатории, не взяли меня с собой? – А зачем? Сила твоя, Бредихин, в твоём знакомстве с евпаторийскими тузами. Поэтому ты нам и нужен. А если тебя увезти, *кто будет работать? Чатырдаг?* [21, т. 6, с. 301];

г) [Леська]: – Неужели... вы меня... ждали? – А как же? *А кто будет подымать [с постели] Ярославну? Чатырдаг?* Все эти дни работали трое: сам Дуван, его сын плюс Вера Семеновна. Но, конечно, никакого сравнения! [21, т. 6, с. 365].

«Евпаторийская поговорка, от которой у Леськи дрогнуло сердце» [21, т. 6, с. 115], напоминает читателю распространенную в современном русском языке фразу «Кто это за тебя работать будет? Пушкин?» Е. А. Левашов отмечал, что «на роль *кого-то* язык обычно выбирает известного литературного персонажа, обладающего какой-либо характерной особенностью... Но бывает у нас житейские ситуации, когда в речевом обиходе фигурирует не художественно выдуманное, а реальное лицо и его реальное имя. В нашем языке это лицо и имя – *Пушкин*» [13, с. 125].

И. Сельвинский воспроизводит яркую непринужденную речь горожан начала XX века. В то же время и сам автор романа выступает как человек, тонко чувствующий законы языка. Например, одним из занятий евпаторийцев было приготовление чебурек и шашлыков и их продажа, то есть в южном курортном городе актуальной была профессия чебуречника и шашлычника, которая приводится в романе наряду с другими: «Это была типичная евпаторийская толпа: жестянщики, чувячники, комиссионеры, *чебуречники*, цирюльники, приказчики, рыбаки» [21, т. 6, с. 493]; «*Шашлычник* принес кофе в маленьких красномедных кастрюльках с длинными ручками» [21, т. 6, с. 34]. Слова созданы по продуктивной модели «имя существительное + суффикс -ник- со значением лица по профессиональной деятельности», однако не отражены в толковых словарях русского языка, хотя их употребление находим в интернет-пространстве. Например, на сайтах отмечаются вакансии профессий «повар-чебуречник» и «пекарь-чебуречник». Таким образом, в современной речи лексическая единица «чебуречник» употребляется в составе сложных слов с актуализированными родо-видовыми отношениями, что не характерно для лексемы «шашлычник», функционирующей самостоятельно как гипоним по отношению к гиперониму «мангальщик».

В романе отражены те или иные реалии – приметы описываемой эпохи. Например, шинели красноармейцев называли с красными «разговорами»: «Комиссар Самсон Гринбах в шинели Огневой дивизии, с *красными “разговорами”* поперек груди, весело взглянул на вошедших» [21, т. 6, с. 292]. Это были шинели «в стиле стрелецких кафтанов, украшенные красными поперечными нашивками-

“разговорами”. Впрочем, декоративные элементы вскоре отменили – по причине демаскировки»: <https://ok.ru>rossiyakra/topic>.

Цвет нашивок свидетельствовал о принадлежности к определенному роду войск: малиновый – пехотинцы, черный – саперы, синий – кавалеристы. «Точное происхождение этого названия до сих пор неизвестно. По одной из версий, “разговоры” относятся к древнерусскому слову “разъ”, что подразумевало “разделять”. “Разговорами” называли и тесьму, которая нашивалась на одежду. Слово “раз” на крестьянском диалекте означало запáх – полу верхней одежды. В данном случае одежда с “разговором” – это одежда с запáхом»: <https://kzn.ru>Новости>.

ВЫВОДЫ

Таким образом, Евпатория в рассматриваемый исторический период представлена в романе как многонациональный город, населенный разноязыким этносом с его предпочтениями, устоявшимися ценностями, бытом, культурой, профессиональными интересами, речевой стихией. Создание региональной картины, городского пространства осуществлено не с помощью «историко-социальной документальной атрибутики», а в результате раскрытия влияния локуса, природной среды на сознание и поступки его обитателей. Региональную специфику автор выводит на уровень художественного обобщения. Так, для Сельвинского и его главного героя Евпатория – это прежде всего море, названное евпаторийским, а в одном из стихотворений Крымским, величественное здание «Дюльбера», мечеть Джума-Джами, Чатырдаг. Ассоциативный ряд – «море – Евпатория – Чатырдаг – Плас-де-ля-Конкорд – Трафальгарская площадь – небоскреб “Эмпайр”» – свидетельствует о вхождении метафорически изображенной автором Евпатории и евпаторийского пейзажа «в бесконечно широкое целое – историю человечества».

Список литературы

1. *Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 581, [2] с.
2. *Брокгауз Ф. А. Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь: в 41 т. – Т. XLIA. – С.-Петербург, 1904. – 957 с.
3. *Гаркавец А. Н., Усеинов С. М.* Большой крымскотатарско-русско-украинский словарь. – Симферополь: СОНАТ, 2002. – 460 с.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: «ТЕРРА» – «ТЕРРА», 1995. – Т. 1. – 699 с.
5. «За горизонт зовущий»: художественный мир И. Сельвинского (к 120-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. А. П. Люсьй. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 356 с.
6. *Зарицкий Н. С.* Неутомимый охотник за своеобразным оригинальным человеком (Киев в языке произведений Н. С. Лескова) // Русистика. – Киев, 2001. – Вып. 1. – С. 41–46.
7. *Зварыкина И. С.* К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края). – Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
8. *Земская Е. А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2004. – 688 с.

9. Корш М. В. Краткий словарь мифологии и древностей : Древ. боги, герои, госуд. люди, поэты, философы, художники древности, древ. страны и главнейшие города древности / сост. М. Корш. – Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1894. – 233 с.
10. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 23 с.
11. Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. – Киев: ИД «Стилос», 2007. – 284 с.
12. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) – М.: Просвещение, 1977. – С. 175–189.
13. Левашов Е. А. И тут «Пушкин» // Русская речь. – 2016. – № 5. – С. 125–127.
14. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт словаря фразеологии: в 2-х т. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 1. – 819 с.; – Т. 2. – 936 с.
15. Мицкевич А. Стихотворения. – Санкт-Петербург, 1829.
16. Ногайско-русский словарь / под редакцией К. М. Мусаева. – М.: Наука: Восточная литература, 2018. – 894, [1] с.
17. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
18. Полякова Л. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. – 2015. – май–июнь. – С. 186–201.
19. Резник О. Жизнь в поэзии. Творчество И. Сельвинского. – М.: Сов. писатель, 1981. – 528 с.
20. Сельвинский И. Л. Черты моей жизни // Крымские пенаты : Альманах литературных музеев Крыма: Тематический выпуск к 100-летию со дня рождения И. Л. Сельвинского. – Симферополь: КАГН, 1996. – С. 5–20.
21. Сельвинский И. Л. Собрание сочинений: в 6-ти т. – М.: Худож. литература. – Т. 1. – 1971. – 702 с.; – Т. 2. – 1971. – 384 с.; – Т. 4. – 1973. – 416 с.; – Т. 6. – 1974. – 512 с.
22. Сельвинский И. Л. Автобиография // Русские поэты. Антология: в 4-х т. М.: Дет. лит., 1968. – Т. 4. – С. 425–426.
23. Сельвинский И. Л. Ранний Сельвинский. – М.: Красный пролетарий, 1929. – 255 с.
24. Словарь лингвистических терминов / сост. Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
25. Судаков Г. В. Гиляровский как знаток русской речи (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени) // Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI. – СПб., 2006. – С. 228–235.
26. Теркулов В. И. Понятие «региолект» // Донецкий региолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО «НПП “Фолиант”», 2018. – С. 8–23.
27. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935. – Т. 1. – 1562 ст.
28. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х т. / сост. А. И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1. – 391 с.; Т. 2. – 936 с.
29. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 328 с.
30. Яблоновская Н. В. Роман И. Сельвинского «О, юность моя!» и проблема художественной автобиографии в русской литературе // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века: материалы Пятой Междунар. науч. конф. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 56–62.
31. Яковлева Е. А., Емельянова А. М. Город как текст: эргонимы Уфы в динамике развития // Ономастика Поволжья. – 2012. – С. 246–250.

References

1. Anciferov N. P. *Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroenija obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnyh tradicij* [Problems of urbanism in Russian fiction. The experience of building the image of Dostoevsky's city – Petersburg – based on the analysis of literary traditions]. – M.: IMLI RAN, 2009. 581 p.
2. Brokgauz F. A. Efron I. A. *Jenciklopedicheskij slovar': v 41 t. – Tom XLIA* [Encyclopedic dictionary: in 41 volumes – Volume XLIA]. S.-Peterburg, 1904. 957 p.
3. Garkavec A. N., Useinov S. M. *Bol'shoj krymskotatarsko-russko-ukrainskij slovar'* [A large Crimean Tatar-Russian-Ukrainian dictionary]. – Simferopol': SONAT, 2002. 460 p.
4. Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4-h t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. – M.: «TERRA» – «TERRA», 1995. – T. 1. 699 p.
5. *«Za gorizont zovushhij»: hudozhestvennyj mir I. Sel'vinskogo (k 120-letiju so dnja rozhdenija pojeta)* ["Beyond the horizon calling": the artistic world of I. Selvinsky (to the 120th anniversary of the poet's birth)]. Ed. by A. P. Ljusyj. – Simferopol': IT «ARIAL», 2020. 356 p.
6. Zarickij N. S. *Neutomimyj ohotnik za svoeobraznym original'nym chelovekom (Kiev v jazyke proizvedenij N. S. Leskova)* [The indefatigable hunter for a peculiar original person (Kiev in the language of N. S. Leskov's works)]. *Rusistika*. Kiev, 2001, vol. 1, pp. 41–46.
7. Zvarykina I. S. *K voprosu o sootnoshenii dialektnogo i regional'nogo v russkom jazyke (na primere leksiki Astrahanskogo kraja)* [On the question of the relationship of dialect and regional in the Russian language (on the example of the vocabulary of the Astrakhan region)]. *Gumanitarnye issledovanija*, 2013, no. 2 (46), pp. 30–36.
8. Zemskaja E. A. *Jazyk kak dejatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech'* [Language as an activity. Morpheme. Word. Speech]. – M.: Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury», 2004. 688 p.
9. Korsh M. V. *Kratkij slovar' mifologii i drevnostej : Drev. bogi, geroi, gosud. ljudi, pojety, filosofy, hudozhniki drevnosti, drev. strany i glavnejshie goroda drevnosti* [A concise dictionary of mythology and Antiquities : Ancient. gods, heroes, sovereign. people, poets, philosophers, artists of antiquity, ancient. countries and the main cities of antiquity]. comp. M. Korsh. – Sankt-Peterburg: A.S. Suvorin, 1894. 233 p.
10. Kurbanova M. G. *Jergonimy sovremennogo russkogo jazyka: semantika i pragmatika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ergonyms of the modern Russian language: semantics and pragmatics: abstract. dis. ... Candidate of Philology. sciences]. Volgograd, 2015. 23 p.
11. Kutajsov V. A., Kutajsova M. V. *Evpatorija: Drevnij mir. Srednie veka. Novoe vremja* [Evpatoria: The Ancient World. The Middle Ages. New time.]. – Kiev: ID «Stilos», 2007. 284 p.
12. Larin B. A. *O lingvisticheskom izuchenii goroda* [On the linguistic study of the city]. *Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie. (Izbrannye raboty)*. M.: Prosveshhenie, 1977, pp. 175–189.
13. Levashov E. A. *I tut «Pushkin»* [And here «Pushkin»]. *Russkaja rech'*, 2016, no. 5, pp. 125–127.
14. Mihel'son M. I. *Russkaja mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt slovarja frazeologii: v 2-h t.* [Russian thought and speech. Your own and someone else's. The experience of the dictionary of phraseology: in 2 volumes]. M.: Russkie slovari, 1994, vol. 1, 819 p.; vol. 2. 936 p.
15. Mickevich A. *Stihotvorenija* [Poems]. Sankt-Peterburg, 1829.
16. *Nogajsko-russkij slovar'* [Nogai-Russian dictionary]. Ed. by K. M. Musaeov. M.: Nauka: Vostochnaja literatura, 2018. 894, [1] p.
17. Pallas P. S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnyj namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. / per. s nem* [Observations made during a trip to the southern viceroys of the Russian state in 1793-1794. / trans. from German.]. M.: Nauka, 1999. 246 p.

18. Poljakova L. *Filologičeskaja regionalistika kak nauka* [Philological regionalism as a science]. *Voprosy literatury*, 2015, maj–ijun', pp. 186–201.
19. Reznik O. *Zhizn' v poezii. Tvorčestvo I. Sel'vinskogo* [Life in poetry. Creativity of I. Selvinsky]. M.: Sov. pisatel', 1981. 528 p.
20. Sel'vinskij I. L. *Cherty moej zhizni* [Features of my life]. *Krymskie penaty : Al'manah literaturnyh muzeev Kryma: Tematičeskij vypusk k 100-letiju so dnja rozhdenija I. L. Sel'vinskogo*. – Simferopol': KAGN, 1996, pp. 5–20.
21. Sel'vinskij I. L. *Sobranie sočinenij: v 6-ti t* [Collected works: in 6 volumes]. M.: Hudozh. literatura. Vol. 1, 1971, 702 p.; Vol. 2, 1971, 384 p.; Vol. 4, 1973, 416 p; Vol. 6, 1974, 512 p.
22. Sel'vinskij I. L. *Avtobiografija. Russkie poety. Antologija: v 4-h t.* [Autobiography. Russian poets. Anthology: in 4 volumes]. M.: Det. lit., 1968, vol. 4, pp. 425–426.
23. Sel'vinskij I. L. *Rannij Sel'vinskij* [Early Selvinsky]. M.: Krasnyj proletarij, 1929. 255 p.
24. *Slovar' lingvističeskich terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Comp. T. V. Zhrebilo. – Nazran': OOO «Pilgrim», 2010. 486 p.
25. Sudakov G. V. *Giljarovskij kak znatok russskoj rechi (refleksija pisatelja na rečevye fenomeny svoego vremeni)* [Gilyarovskij as an expert in Russian speech (the writer's reflection on the speech mime phenomenon mime all the time)]. *Russkij jazyk XIX veka: ot veka XVIII k veku XXI*. – Spb., 2006, pp. 228–235.
26. Terkulov V. I. *Ponjatie «regiolekt». Doneckij regiolekt: monografija* [The concept of «regiolect». Donetsk regionolect: monograph]. Ed. by V. I. Terkulova. – Doneck: Izdatel'stvo OOO «NPP»Foliant», 2018, pp. 8–23.
27. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4-h t.* [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Ed. by D. N. Ushakova. M., 1935, vol. 1, 1562 st.
28. *Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2-h t.* [Russian Literary Language Phraseological dictionary: in 2 volumes]. Ed. by A. I. Fjodorov. M.: Citadel', 1997. Vol. 1, 391 p.; Vol. 2, 936 p.
29. Shumarina M. R. *Jazyk v zerkale hudozhestvennogo teksta (Metajazykovaja refleksija v proizvedenijah russskoj prozy): monografija* [Language in the mirror of a literary text (Metalanguage reflection in works of Russian prose): monograph.]. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 328 p.
30. Jablonovskaja N. V. *Roman I. Sel'vinskogo «O, junost' moja!» i problema hudozhestvennoj avtobiografii v russskoj literature* [Selvinsky's novel "Oh, my youth!" and the problem of artistic autobiography in Russian literature]. *I. L. Sel'vinskij i literaturnyj process XX veka: materialy Pjatoj Mezhdunar. nauch. konf.* – Simferopol': Krymskij Arhiv, 2000, pp. 56–62.
31. Jakovleva E. A. *Emel'janova A. M. Gorod kak tekst: jergonimy Ufy v dinamike razvitija* [The city as a text: ergonyms of Ufa in the dynamics of development]. *Onomastika Povolzh'ja*, 2012, pp. 246–250.

**ASTIONYM YEVPATORIA IN THE NOVEL OF I. SELVINSKY'S
«OH, MY YOUTH!» THROUGH THE PRISM
OF CRIMEAN PHILOLOGICAL REGIONALISTICS**

Petrov A. V.

In an article based on the novel by I. L. Selvinsky «Oh, my youth!» from the standpoint of diachrony, the language and the way of life of the city Yevpatoria is studied. A native

Crimean, the author presents the life of the multinational peninsula in a certain historical period - between the February Revolution of 1917 and the end of the Civil War in Crimea in November 1920. The reader gets acquainted with the history of the settlement of the peninsula, the ethnographic features of the city, the occupations of the people living in the town. The onomastic space of Evpatoria has been studied, the specificity of which lies in the fact that its components – godonyms, microtoponyms, oikodomonyms and ergonyms – are filled with the lyrical expression of the author and the main character – Elisey Bredikhin. Knowledge of the Crimea is manifested by I. Selvinsky in the reproduction of the multilingualism of the peninsula, its speech element, as well as lexical and phraseological regionalisms as local speech phenomena of his time. The heroes of the novel use words and phrases in speech communication, by which a Yevpatorian can be recognized. Yevpatoria regionalisms include formulas of speech etiquette used by native speakers, the toponym Chatyrdag, used in dialogic speech in an improper lexical meaning. The leading research method is contextual and discursive analysis. The panorama of the life of the city is presented with the help of a citation text, that is, verbatim excerpts of fragments of various sizes - from sentences to larger segments of the work, – followed by selective linguistic and philological commentary.

Keywords: Crimean philological regionalism, novel of I. Selvinsky «Oh, my youth!», the language of the city of Evpatoria, regionalisms, etiquette speech formulas, the writer's idiosyncrasy.